

АСЕН БОСЕВ
СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВ

ДВА АНТОНА

30 коп.

Папка П. К.

Для младшего школьного возраста

Асен Босев и Сергей Алексеев

ДВА АНТОНА

Художник М. Петров

Редактор Л. Архарова. Художественный редактор Д. Пчелкина. Технический редактор Т. Щепетова. Корректор Н. Шадрина. Сдано в производство 1/XII-72 г. Подписано в печать 29/V-73 г. Бумага офсетная № 1. Формат 60×90¹/₈. Печ. л. 5. Уч.-изд. л. 3,66. Тираж 300 000. Изд. № 543. Издательство «Малыш» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, К-55, Бутырский вал, 68. Калининский полиграфкомбинат детской литературы Росглавополиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46. Заказ № 79.

0762—016
Б М 102(03)—73—16—73

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ» 1973

АСЕН БОСЕВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВ

ДВА АНТОНА

© РИСУНКИ М. ПЕТРОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ“ 1973.

Долгие годы Болгария находилась под игом турецких захватчиков. Не раз поднимались болгары на борьбу за свою независимость. Но силы были неравными.

В 1877 году на помощь болгарскому народу пришли русские войска.

Об эпизодах борьбы за независимость Болгарии и рассказывает эта книга.

Написали её два автора — болгарский писатель Асен Босев и русский — Сергей Алексеев.

БРАТУШКИ

ЛА война с Турцией. Русский отряд догонял своих. Ступают солдаты дорогой пыльной. Лето. Жара. Застыло в истоме небо.

Шагает со всеми Илья Макаров. Всё интересно Макарову. Молод, безус солдат. Впервые в таком походе.

— Дядька Степан,— пристаёт новичок к солдату бывалому,— а верно ль, что турок силой огромной прёт?

— Верно, родимый, верно,—отвечает солдат бывалый.

Шагают солдаты рядом. Не даёт молодой пожилому покоя.

— Дядька Степан, а правда, что турки в красных ярмолках ходят?

— Не в ярмолках, Илья, а в фесках.

— А правда ль, что кисти свисают с фесок?

— Правда, родимый, правда.

Остановился отряд на отдых. Расположились в лесу солдаты. Веет кругом прохлада.

Разлеглись на траве солдаты. Не ложится Илья Макаров. Всё интересно Макарову. Побрёл между дубов и буков. Пошёл по лесной тропинке, вышел к открытому полю.

Видит Макаров—поле лежит. Через поле идёт дорога. Пыль над дорогой. Всмотрелся внимательней. По дороге идут солдаты.

«Кто бы такие?—начинает гадать Макаров.—Орловцы, брянцы, полк Терский, Черниговский?»—вспоминает солдат своих.

Всмотрелся ещё внимательней. Нет, не наши. Не одеваются наши так. И вдруг:

— Да это же турки!

Словно ветром смело солдата. Метнулся обратно в лес. Примчался к своим, бросился к ротному:

— Турки! Ваше благородие, турки!

Поднял ротный солдат по тревоге.

— Ружья к бою!—прошла команда.

Пробежали солдаты лес, вышли к открытому полю. Всё верно. Поле. Дорога. Пыль над дорогой.

— Это турки, турки!—не унимается Макаров. Доволен солдат, что первым колонну в пыли заметил.—Так точно-с — турки.

Заметили турки русских. Отделились от колонны два всадника. Несутся к лесу. Что-то кричат. Что — непонятно.

Подскакали всадники ближе:

— Братушки! Братушки!

Всмотрелся ротный командир, посмотрелись другие солдаты:

— Так это ж болгары!

— Братушки! Братушки! Мы болгары! — кричат болгары.

Подлетели, соскочили всадники с лошадей. Возбуждённые. Довольные. Один из них оказался рядом с Макаровым. Похлопывает Макарова по плечу:

— Болгар има един брат добро брат русе.

Неловко Илье Макарову, что друзей он за неприятеля принял. Стоит солдат, краснеет.

Вскоре к лесу подошёл и весь болгарский отряд. Обнялись, расцеловались болгары и русские.

Долго после этого посмеивались солдаты над Макаровым, всё приставали: Расскажи да Расскажи, как это ты болгарских братьев за турок принял?

Бывалый солдат и тот не сдержался:

— Не ты ли про фески, про кисти спрашивал? Где ж ты увидел фески!?

— Так пыль же..,— оправдывался Макаров.

— Пыль!— усмехнулся бывалый солдат. Затем задумался, посмотрел на Макарова:— Науке, родимый, учись солдатской: за версту опознай врага, друга признай за две.

ДВА АНТОНА

ВЫСОКИ Балканские горы. На много вёрст протянулись с Запада на Восток, разделили Болгарию на две части. С севера — равнина, с юга — равнина, посредине — горы. Дыбятся, дыбятся горы, тянутся к тучам, к небесным далям. Скалы стоят, как стражи.

Русские солдаты и болгарские ополченцы в Балканских горах обороняли Шипкинский перевал. Крайним в болгарском окопе сидел ополченец

болгарин Антон Антонов. И надо же—в русском окопе крайний солдат тоже оказался Антоном и тоже Антоновым.

Сидели солдаты в окопах, посматривали один на другого. Антонов болгарский на русую голову Антона Антонова русского. Русский Антон на чернявую голову Антона болгарского.

Потом обменялись соседи словами.

— Братушка,—окликнул Антонов болгарский Антона русского.

— Братец,—позвал Антонов русский Антона болгарского.

Назвали солдаты свои имена.

— Антон Антонов,—сказал ополченец болгарский.

«Вот так имя русское»,—поразился Антонов русский.

— Антон Антонов,—назвался русский солдат.

«Вот так имя болгарское»,—поразился Антонов болгарский.

Отбивают солдаты турецкие атаки, а сами всё время один на другого глазами косят.

Видит болгарский Антонов, что русский солдат стреляет по врагам не сразу, а выжидает, подпускает штурмующих турок поближе. Принялся и сам так же делать. Верно поступил, чаще стал попадать в неприятеля.

Приметил Антонов русский, что ополченец болгарский перед местом своим в окопе сложил из камней щиток. Сложил такой же Антонов русский. Умно получилось—оберегает щиток от пуль.

Отобьют солдаты турецкую атаку, сами идут в атаку.

— Ура!

— Братушки, вперёд!

Несутся с ружьями наперевес.

В одной из таких атак увлёкся Антонов болгарский боем. Смело идёт вперёд. Не замечает, что сбоку, справа, набегает на него турецкий солдат. Всё ближе и ближе турок. Вот рядом уже совсем. Вот победно глаза сверкнули. Метнулся к Антонову штык. Э-эх, пропадай Антонов. И вдруг—что за чудо?! Сам турок летит на землю. Жив, невредим Антонов. Это на помощь болгарскому другу русский пришёл солдат.

Продолжается жаркий бой. За атакой идёт атака.

Увлёкся боем Антонов русский. Смело идёт вперёд. Не замечает того, что сбоку, слева, притаился за камнем турецкий солдат. Поднял турок ружьё. На Антонова ствол наводит. Целит, целит. Зажмурил глаза. Вот-вот нажмёт на курок. Э-эх, пропадай Антонов. И вдруг. Что за чудо!? Вылетает ружьё из турецких рук. Жив, невредим Антонов! Это на помощь русскому другу болгарский пришёл солдат.

Вернулись солдаты в свои окопы.

— Братец, спасибо!

— Спасибо, братушка!

Жить бы им долго. Песни о дружбе петь. Да только—загадка судьба солдатская.

К исходу третьего дня битва вспыхнула с новой силой. Снова герои Шипки смело пошли в атаку.

Два Антона бежали рядом. Бежали рядом. Плечом касались. Плечом касались, стеной вставали.

Бегут два Антона, не чувят своих роковых минут. С упорством дерутся турки. Не жалеют ни сил, ни пуль. Набежали солдаты на вражеский залп. Рухнул на землю солдат болгарский. Наклонился к другу Антонов русский.

— Антон, Антон,— тормошит ополченца.— Антон Антонов! Братец! Братушка! Вставай!

Не отзывается друг болгарский. По солдатской рубахе алой струйкой стекает кровь.

Поднял Антонов друга на руки. Как ношу святую несёт. Сделал шаг. Сделал два. Снова грянул турецкий залп.

Рухнул на землю Антонов русский.

Лежат они рядом, на склоне, на круче. Лежат, как бежали—плечом к плечу. Кровенеет земля под ними. Стекают на землю алые струйки солдатской крови. Встретились струйки, соединились. Впитала земля болгарская солдатскую верную кровь.

Там, на высотах Шипки, много осталось солдатских могил. Там болгарская кровь. Там русская кровь. Поднимись на вершину Шипки.

Скинь шапку.

Замри.

Поклонись.

ПЕТЯ-ВЛАДКО-ПЕТЕРЧО

ПОРУЧИКА Ивана Дюкова в России остался брат. Восемь лет всего Пете. Ростом он — маленький, маленький, с ноготок.

Дюков очень любил братишку. Сражался поручик в Болгарии с турками. Участвовал в разных боях и походах. Но не забывал Петю.

Каждый день письма писал в Россию.

В бою на Шипкинском перевале Дюкова тяжело ранило. Рухнул офицер на землю. Лишился

сознания. Вынесли санитары поручика с поля боя. Положили на носилки. Стали с гор осторожно спускаться вниз, к ущелью реки Янтры.

Пенится, бурлит Янтра, ударяет волной о камни, брызги бросает в небо. Спустились солдаты к реке. Поставили носилки с Дюковым у самого берега. Пошли искать санитарную повозку. Отсюда раненых отвозили в город Габрово, а из Габрово в город Тырново, в Тырновский госпиталь.

Людно было в те дни в ущелье. Здесь спасались от турецких погромов болгарские семьи. Много их. Тысячи. Женщины, старики, дети.

Окружили болгарские дети носилки с Дюковым. Стоят, смотрят. Плох совсем Дюков. Стонет. Что-то непонятное в бреду говорит.

— Умирает,—кто-то сказал из ребят.

Вдруг офицер шевельнулся. Повёл головой, открыл глаза. На детей удивлённо глянул. Вот мальчик стоит, вот девочка. Снова девочка, снова мальчик. Третий мальчик, четвёртый, пятый. А вот и ещё один. Ростом — маленький, маленький, с ноготок.

— Петя,—вдруг прошептал поручик.

Потянулся он к мальчику, взял за руку:

— Петя, Петруша, Петрушенька!

Сказал и вновь потерял сознание. Упал на носилки Дюков, однако детской руки не выпустил. Шепчут беззвучно губы:

— Петя... Петруша... Петрушенька...

Испугались, отбежали поспешно другие дети. Остался с Дюковым мальчик-кроха. От страха глазами хлопает.

Вернулись солдаты с санитарной повозкой. Хотели освободить мальчика. Не получается. Не отпускает мальчонку поручик.

Смутились солдаты:

— Помирает, видать, страдалец.

— Грех тут ему перечить.

Поместили они обоих, и Дюкова и мальчика, в повозку. Лежит на носилках Дюков. Рядом сидит мальчонка. Ростом — маленький, маленький, с ноготок. Осмелел при солдатах кроха. Улыбнулся с повозки людям.

Надо солдатам дальше быстрее трогать. Только как же им быть с мальчишкой. Тем временем обступили повозку взрослые. Мать малыша подошла. Подошли и отец и дед. Смотрят солдаты на взрослых: мол, подскажите, как же тут быть, как поступить по-умному.

Вышел вперёд пожилой болгарин. Кинул на офицера, на мальчика мудрым взглядом и сказал солдатам:

— Пусть едет с героем.

— Добре, добре, — поддержали другие. Ждут, что же скажут теперь родители.

— Добре, — произнёс отец.

— Добре, — согласилась мать.

— Свято дело, — промолвил дед.

Остался мальчонка в телеге. Доехал до Габрово, доехал до Тырново. Месяц провёл при Дюкове. Не умер Дюков. Живым остался.

— Ну и ну! — поражались даже врачи. — Не мы — вот кто, — показывали на малыша, — человека от смерти выручил.

Поправился Дюков, уехал в Россию. А мальчик вернулся к себе, к родителям.

— Петерчо приехал! Петерчо приехал! — кричали в тот день мальчишки.

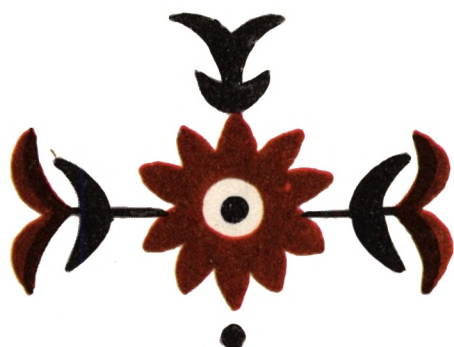
Стали с этого времени все болгарского мальчика

называть Петей, или по-болгарски Пепо, Петъё, или ласкательно Петерчо.

Настоящее же имя мальчика было Владко.

Дюков вернулся к себе домой. Бросился Петя к нему навстречу. Улыбнулся поручик, раскинул руки.

— Здравствуй, Владко!— сказал поручик.

НИКОЛА НАНОВ

ПРОТИВ русских в Болгарии сражалась многочисленная турецкая армия. Армии нужен хлеб. Плохо с едой у турок.

Разъехались по всей Болгарии турецкие сборщики, стали хлеб собирать у крестьян. Не хотят болгары отдавать хлеб турецким порабощенным, а приходится. Сила на стороне турок.

Прибыли сборщики и в прибалканское село Бела.

Отняли хлеб у крестьян. Ссыпали зерно в мешки. Ждут приказа, что делать дальше.

В это время шли тяжёлые бои под городом Плевной. Вот и поступил приказ доставить зерно под Плевну.

Стали турки срочно искать крестьянина, который сопровождал бы к Плевне обоз. Не хотят болгары помогать туркам. Один отказался. Второй отказался. Назначили турки третьего. Третий взял и вовсе куда-то скрылся.

Обозлились турки, собрали крестьян на мегдане—на сельской площади.

— Так кто пойдёт?!—закричал старший из турок. Молчат крестьяне.

— Кто пойдёт?—повторил турок.

Молчат крестьяне.

И вдруг вышел вперёд Никола Нанов.

— Я пойду!

Все так и ахнули. Никола Нанов—и вдруг согласен.

А дело вот в чём. Совсем недавно Никола Нанов сам сражался против турок, мечтал о свободе Болгарии и вдруг...

Не узнают крестьяне Николу Нанова. Таскает Никола на своих плечах тяжёлые мешки с зерном, укладывает их на возы. Старается. Вот так Никола—для турок старается!

Довольны сборщики, что доброволец нашёлся. Доложили начальнику. Доволен начальник. Похлопал Николу по плечу, пообещал награду.

Понравился чем-то Никола начальнику. Назначил тот Николу Нанова старшим над всем обозом.

Перед дорогой наставлял:

— Не мешкай.

— Волов не жалей.

— Русских постов сторонись.

— Куда движет обоз — молчи.

— Ночью костров не пали. Не привлекай к обозу внимания.

Машет Никола головой. Мол, не маленький, мол, сам понимаю.

Дал начальник Николе охрану. Двинулся в путь обоз.

Ведёт Нанов обоз к Плевне. Строго выполняет наказ начальника.

Нигде не задерживается.

Волов не жалеет.

Обходит русские посты за десятки вёрст.

Куда движет обоз — молчит.

Ночью сидит без костров. Даже похлёбки себе не сварит.

Дорога в Плевну дальняя. Едет Нанов, присоединяются к нему по пути новые обозы. С мясом, с овощами, с сырами и брынзой. Много всего поотняли турецкие сборщики у крестьян.

Подойдя к Плевне, обоз остановился в лесу. Нанов сказал:

— Нужно дожждаться ночи. Кругом русские — как бы русским обоз не достался! — И пошёл разведать дорогу — какой дорогой дальше надёжнее ехать. Хотел он обоз точно доставить по назначению.

Вскоре Нанов вернулся. Про дорогу сказал:

— Разузнал. Разведал.

Как только стемнело, обоз двинулся дальше. Никола ехал впереди и подавал команды, куда сворачивать.

— Левее бери, левее.

— Правее держи, правее.

Тянутся волы. Плетётся стража. Тихо идут возы. Без скрипа.

Вновь куда-то свернули возы. Затем ещё раз.

— Стой! — наконец скомандовал Никола. — Приехали.

Осмотрелись охранники: «А где же Плевна?!» Остановились телеги в каком-то овраге.

Вдруг слышались русские голоса. Схватились охранники за ружья, да поздно. Окружили их русские, обезоружили.

Стоят турки, сгрудились. От обиды руки в кулаки сжимаются. А где же Нанов?

Вот и Никола Нанов. Обнимает Никола русских солдат. И те обнимают Николу.

— Спасибо, братушка. Удал! Удал! Целый обоз — и хлеб, и сыры, и колбасы. Спасибо тебе солдатское.

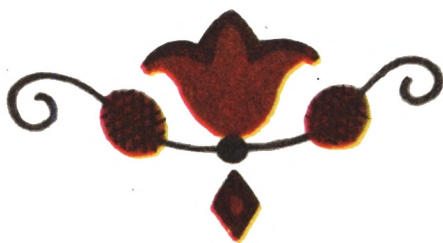
Улыбается Нанов.

Стоят охранники, зло на Николу смотрят: «Вот он какую дорогу ходил разведовать. Вот для кого старался».

Прославился Никола Нанов. Прославил и родное своё село. Только когда Нанов вернулся домой, село уже не называлось как раньше — Бела. В память о русских, о воинах-освободителях крестьяне назвали прежнюю Белу — Русская Бела.

На холмах предбалканья, в садах утопая, оно и сейчас стоит.

Русская Бела стоит.

ВОТ ТАК НАРОД СОБРАЛСЯ!

Был самый тяжёлый момент на Шипке. Со страшной силой ударили турки по русским позициям. Не хватает у русских сил. Вот-вот — и прорвутся на Шипку турки.

На помощь русским были посланы две роты болгарского ополчения.

Заметили турки, открыли по ополченцам ураганный огонь. Торопятся ополченцы, стремятся быстрее прийти на помощь, идут напрямую, открытым местом. Ведёт болгарские роты русский

офицер, полковник Толстой. Бьют по стрелкам турецкие батареи.

«Жах! Жах!»—рвутся снаряды рядом.

«Вьить, вьить!»—пролетают турецкие пули.

Оберегает полковник солдат, ведёт перебежками.

— Братушки, ложись!

Переждёт полковник самый опасный огонь.

— Братушки, вперёд!

И всё же валит картечь ополченцев. Пристрелялись турецкие батареи. Снаряды точно ложатся в цель.

«Жах! Жах!»

«Жах! Жах!»

— Братушки, не трусь!—подбадривает полковник ополченцев.—Братушки, вперёд!

Бегут ополченцы, да только ропот какой-то идёт в рядах.

«Недовольны»,—понимает полковник.

Стал он чаще делать остановки. Не стихает солдатский гул.

Конечно, и это Толстому ясно, можно идти в обход, лощиной. За уступами скал от врага укрыться. Только дорогой прямою ближе. Всё труднее, труднее русским. Важен тут каждый миг.

«Жах! Жах!»

«Жах! Жах!»

«Жах! Жах!»—не унимаются турки.

Подбежал к Толстому поручик Градов:

— Ваше высокоблагородие, может, идти в обход?

Подумал полковник, махнул рукой. Дал команду свернуть к откосу. Свернули болгарские роты. Укрыли камни людей от турецких пуль.

Думал полковник, что шум утихнет. Однако всё громче и громче солдатские голоса.

Глянул полковник. Грозно повёл бровями. Позвал переводчика.

— Что там ещё такое?

— Недовольны стрелки, ваше высокоблагородие!— сказал переводчик.

— Опять недовольны?!— Полковник повысил голос.— Чем недовольны?

— Тем, что свернули, ваше высокоблагородие.

— Тьфу! Что же они желают?

— Не желают идти в обход.

— Что же они хотят?

— Прямо идти желают.

Сбился совсем полковник. Не понимает.

— Так мы прямо и шли. Куда же ещё прямее. Сейчас недовольны. Тогда недовольны. Ну и народ собрался!

— Так они же тогда того...

— Что — того?— насупился полковник Толстой.

— Роптали они, ваше превосходительство, не потому, что шли под турецкими пулями,— сказал переводчик,— а потому, что не хотели идти с остановками. Они же стремятся быстрее в бой.

Просияло лицо у полковника.

— Вот это ну! Вот это да! Вот так народ собрался!

Повёл полковник Толстой болгарские роты прямой дорогой. Вовремя пришли ополченцы. Ударили вместе с русскими. Отбили атаку турок.

КУВШИН

РЕТИЙ день не стихает на Шипке бой. За атакой идёт атака. Солнце в небе огнём палит. Пушки кричат от усталости. Ружья вот-вот от жаркой пальбы расплавятся.

Истомились солдаты от солнца, от гари, от боя. Жажда их мучает. Давно опустели солдатские фляги.

Нет на скалах нигде воды. Лишь там, в лощине, в версте отсюда, пробился сквозь камни родник. Ведёт к нему тропка. Едва заметная — козий какой-то след. Тропа под обстрелом у турок.

Сунулись было туда смельчаки. Ринулся первый— и тут же от пули турецкой рухнул. Рухнул второй, а затем и третий. Вот смелый ещё нашёлся. Летит, как стрела, четвёртый. Мчит что есть силы, а всё же пули не обогнал. Рухнул, как сноп, четвёртый.

Лежат смельчаки убитыми. Нет за водой охотников.

Однако нет и конца отважным. Час не прошёл, как снова храбрец сыскался. Совсем молодой, красивый.

— Э-эх, была не была,— сказал молодой, красивый.

Вручили солдаты ему кувшин. Кувшин местный, непривычный для русского глаза. Горлышко узкое, узкое. Ручка серпом торчит.

Побежал молодой солдат. Наблюдают за ним товарищи.

Хоть и молод смельчак, а хитёр. Бежит с остановками. То ляжет на землю, то снова вскочет. То несётся подобно ветру, то неожиданно сбавит шаг. Дурит он турецких стрелков, мешает им точно целиться. И верно—пули проходят мимо.

Вот треть пробежал дороги. Вот половина уже позади.

— Ловок, паршивец, ловок,— торжествуют солдаты.

Совсем немного осталось бежать храбрецу. Вот уже рядом совсем лощина. Вот рядом уже кусты. Укроют они солдата.

— Помоги ему, господи, помоги,— шепчут бойцы на Шипке.

Не услышал господь молитвы.

Самую малость не добежал солдат. Рухнул от

вражеской пули. Руки раскинул. Лежит — молодой, красивый.

А кувшин уцелел. Стоит сиротливо рядом.

Вздохнули солдаты:

— Э-эх! Горюшко наше горе...

И снова — к ратным своим делам.

Сколько прошло минут, точно никто не скажет. Только вдруг повернулись солдаты опять к роковой тропе. Глянули — ахнули:

— Братцы, кувшина нет!

Верно — нет кувшина на прежнем месте. Смотрят солдаты во все глаза — чудеса же бывают на белом свете!

И вдруг. Глянули, замерли люди. Из кустов, из лощины, выскочил мальчик. Побежал к позициям русских. Держит в руках кувшин. Полный. Тот самый — непривычный для русского глаза: горлышко узкое, узкое, ручка серпом торчит.

— Пастушок, пастушок! — выкрикнул кто-то.

— Ох ты, дитятко, сокол!

Замерли солдаты, впились в пастушка глазами.

Не сбавляет мальчишка бег. Заметили мальчика и турки. Грянул выстрел, второй. Зачастили турецкие пули, да поздно. Пробежал пастушок самое страшное место. Вот рядом уже совсем. Вот осталось двадцать, десять, лишь пять шагов. Вот подлетел к окопу. Тянет солдатам кувшин с водой.

— Дитятко! Сокол!

Смотрят они на кувшин:

— Водица... Родимая...

Торжествует мальчишка. Расплылось лицо в улыбке. Держит кувшин с водой. Мол, берите, для вас старался.

Потянулись солдаты к воде.

Вдруг снова выстрел. Свистнула турецкая пуля. Ударила прямо в кувшин. Разлетелся кувшин на части. В руках у пастушка лишь черепок остался.

Глянул мальчик на черепок и вдруг горько при всех расплакался. Стянули солдаты его в окоп.

— Голову прячь, любезный. Ну что ж, если уж так случилось. Поживём и ещё без воды. Терпели. Терпим. Ещё потерпим. Да разве в водиче дело...

Обнимают они пастушка:

— Спасибо, герой. Спасибо!

Вытер мальчишка слёзы. Глянул на истомлённых жаждой и битвой солдат. Поднялся и выскочил вдруг из окопа:

— Я живо, я живо...

Побежал пастушок по камням, по уступам.

— Воды! Воды! Нет на Шипке глотка воды!

Кричал он громко. Летел этот голос и ввысь и вдаль. Бился о скалы, мешался с ветром.

И вдруг отозвались скалы:

— Воды! Воды! Нет на Шипке глотка воды!

И вдруг зашумели сосны:

— Воды! Воды! Нет на Шипке глотка воды!

И вдруг закричали камни:

— Воды! Воды! Нет на Шипке глотка воды!

И вот совершилось чудо. Ожили Балканские горы. Из долин, из ущельев, из горных селений потянулись люди сюда, на Шипку. Много их. Сотни. И стар и млад.

Кто сказал, что истомились солдаты от жажды на Шипке?

Вдоволь воды на Шипке!

ПАМЯТЬ

НАЧАЛАСЬ эта история ещё до того, как Россия объявила войну Турции. Мал Митко. Глуп. В совсем простом деле не разобрался. Городом, в котором жил Митко, правил злой турок Осман-ага. Был он старым, сутулым, с острым горбатым носом. Крут на расправу Осман-ага. Рыскают по округе жандармы. Расправляются с недовольными. Кинут в тюрьму одного. Дом сожгут у второго. До полусмерти избьют третьего.

Все боялись и ненавидели злого Осман-агу.

У Митко была бабушка. Добрая, добрая. Звали её Милена. Чудесным человеком была бабка Милена. И сказки знала. И рук в труде не жалела. И обиженных всегда защищала. Любил её маленький Митко. Слушался. Слову любому верил. А вот тут... Мал Митко. Глуп. В совсем простом деле не разобрался. Впрочем, надо обо всём по порядку.

Вот что случилось с Митко. Появились как-то у них во дворе турецкие жандармы. В этот день у Осман-аги были важные гости. Стали жандармы для богатого пира заготавливать припасы. Обобрали уже полгорода. Дошли и до дома Митко. Заметили здесь телёнка. Телёнок маленький, рыженький, с белым пятном на лбу. Был он любимцем Митко. Схватили жандармы телёнка. Увидел Митко. Бросился защищать своего любимца. Вцепился руками. Расплакался. Не отдаёт.

Избили жандармы Митко.

Утешила мальчика бабка Милена:

— Вот придёт дед Иван, расправится он с разбойниками.

— Бабушка, а кто этот дед Иван?

— Тс-с,— приложила бабушка палец к губам.

— А когда он придёт?— шёпотом спросил Митко.

— Придёт, внучек, придёт. Настанет такое время.

«Кто же такой этот дед Иван!»—стал теряться в догадках Митко. Принялся вспоминать всех дедов Иванов, которых знал.

— Это дед Иван из села Каменица, тот, что пастух?—спросил он у бабки Милены.

— Нет,—усмехнулась бабка.

— Знаю, знаю!—закричал Митко.—Это кузнец дед Иван.

— Нет,— усмехнулась бабка.

Теряется Митко в догадках: кто же такой этот дед Иван?

Дед Иван даже во сне стал являться мальчику. Убегает, завидя деда Ивана, Осман-ага. Феска с головы слетает. Убегают жандармы.

Улыбается во сне Митко.

Дожидался мальчик деда Ивана. Даже бегал к окраине городка, смотрел на дорогу, не едет ли дед Иван.

И вдруг:

— Дед Иван идёт! Дед Иван идёт!— разнеслось по городу.

Давно мечтали болгары о деде Иване—о русском солдате, который придёт к ним на помощь. И вот началось освобождение Болгарии от турецкого ига. Русская армия подступила и к городку, в котором жил Митко.

Высыпали жители на улицы. Радость у всех, веселье. Надели люди лучшие свои наряды. И Митко в новой цветной рубахе. Бросают люди солдатам цветы, приветствуют освободителей.

Вместе со всеми стоит и Митко. Слева от Митко старший брат Йордан. Справа бабка Милена. И она сегодня на редкость нарядная—в новой, неношенной юбке.

Шагают в строю солдаты. Наклонилась бабка Милена к внуку:

— Смотри же, Митко, вот он и дед Иван.

Смотрит Митко по сторонам, деда Ивана глазами ищет.

— Где он, бабушка, где?

— Вот же, внучек, смотри зорчее.

Смотрит Митко—не видит деда. Идут в стройном

ряду солдаты. Молодые, сильные, безбородые. Глянул один из солдат на Митко. Широко улыбнулся мальчику.

— Ну вот видишь, и дед Иван,— сказала бабка Милена.

Глянул Митко на бабку: «Дед?! Да какой же это вам дед! Слеповата, ошиблась, наверное, бабка. По старости, видно, спутала».

Брат Йордан был старше и сразу же понял, кто такой этот дед Иван. А Митко глазами хлопает. Мал Митко. Глуп ещё. В таком простом деле не разобрался.

Много месяцев продолжалась война с Турцией. И вот наступил радостный день. Не только город, в котором жил Митко, но и вся Болгария была освобождена от турецкого рабства.

Почти сто лет прошло с той поры. Но благодарная память о русском солдате-освободителе и ныне, как встарь, жива.

Larisa_F

